

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК
ВЫПУСК 11 (74)

ИСТОРИЯ
и
ФИЛОЛОГИЯ
СТРАН
БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА • ЛЕНИНГРАД

1 9 6 4

КОМПОЗИЦИЯ СБОРНИКА «КАЛЙЛА И ДИМНА»

(ПО ДРЕВНЕСИРИЙСКОЙ ВЕРСИИ)

Книга «Калйла и Димна» ведет происхождение из Индии. Она возникла в III—IV вв. н. э. в среде буддистов на языке древних индусов — санскрите. Название свое получила по именам двух братьев — шакалов, действующих в I главе. Калйла и Димна — это арабская форма имен,¹ по-санскритски же они звучат — Каратака и Даманака (Темнокрасный и Усмиритель).² В индийской литературе не сохранилось

¹ Арабский перевод был сделан выдающимся арабским писателем VIII в. 'Абдаллахом ибн ал-Мукаффа' с пехлеви. Пехлевийская версия, отражающая непосредственно санскритский оригинал, исчезла так же, как и сам оригинал. Арабский перевод Ибн ал-Мукаффа' был опубликован впервые в 1816 г. М. Силвестром де-Саси, — см.: *Calila et Dimna ou fables de Bidpai, en arabe précédées d'un memoire sur l'origine de ce livre, et sur les diverses traductions qui en ont été faites dans l'Orient.* Paris, 1816. Более удачным является издание Л. Шейхо *كتاب «كليلة و دمنة» عنى بنشرها الاب لويس شيخو اليسوعى* Бейрут, 1905. Подробную библиографию об арабской версии дает Шовен, — см.: *Bibliographie des ouvrages arabes ou relatifs aux arabes publiés dans l'Europe chrétienne de 1810 à 1885*, v. II. Liege, 1897. Существует еще сирийская версия, которая возникла около 570 г. и, как выяснено исследователями, представляет перевод более точный, чем арабский перевод Ибн ал-Мукаффа'. Именно эта сирийская версия и положена в основу нашего исследования. Автором ее является сирийский священник по имени Бūd, в сане периодевта (ܒܘܕܐܝܘܒܐ), представлявший епископа в областях Персии и Индии. Рукопись его перевода «Калйлы и Димны» была найдена в 1871 г. и опубликована Г. Биккелем, — см.: *Kalilag und Damnag. Alte syrische Übersetzung des indischen Fürstenspiegels. Text und deutsche Übersetzung von Gustav Bickell. Mit einer Einleitung von Theodor Benfey.* Leipzig, 1876 (в дальнейшем: *Kalilag und Damnag*). В 1911 г. в Берлине вышло новое улучшенное издание сирийского текста, — см.: *Fr. Schulthess. Kalila und Dimna, syrisch und deutsch.* Berlin, 1911.

² Арабские формы *Kalila(h)* «كليلة» и *Dimna(h)* «دمنة» отражают санскритские *Karataka* и *Damanaka* через посредство пехлеви. Поскольку в пехлевийском шрифте звуки *g* и *l* обозначаются одним и те же знаком, а гласные не обозначаются вовсе, то вместо *Karataka* и *Damanaka* легко можно было прочесть *Kalila(h)* и *Dimna(h)*. См. об этом предисловие Е. Э. Бертельса ко II изданию русского перевода «Калйлы и Димны»: *Калйла и Димна. Перевод с арабского И. Ю. Крачковского и И. П. Кузьмина.* М., 1957, стр. 9; предисловие А. Крымского к работе Эструпа о 1001 ночи в «Трудах по востоковедению, издаваемых Лазаревским Институтом восточных языков» (вып. VIII, 1904, стр. 61, прим. 1, стр. 68, прим. 5) А. Крымский отмечает, что произношение *Димна* не принято у арабов; в Бейруте и других городах Сирии ему приходи-

сборника с таким названием, и неизвестно точно, был ли в Индии такой свод или отдельные главы существовали в составе других памятников, а может быть, и самостоятельно до тех пор, пока Барзӯя, придворный врач Хосрова Анӯширвāна (531—579) не собрал эти разрозненные части воедино.³

Вероятнее, однако, что книга уже существовала в виде сборника в то время, когда Барзӯя попал в Индию, а он только перевел ее с санскрита на пехлеви. Что представлял собой древний санскритский оригинал, когда он возник, кто был его автором, можно судить лишь предположительно, так как ни самого оригинала, ни точных сведений о нем не сохранилось. Легенда связывает возникновение книги с именем индийского философа Байдебы, который якобы написал ее для царя Дабшалйма и поделил на четырнадцать глав, так что каждая из них была самостоятельна.⁴

Вызывает сомнение сама попытка приписать все главы книги, сильно отличающиеся друг от друга по стилю, форме и содержанию, одному автору.⁵ Скорее, это была компиляция, составленная по принципу объединения под общим названием разных отрывков нравоучительного содержания.

Существуют разные мнения о том, сколько глав включала первоначальная редакция. Одни считают, что пять,⁶ другие — двенадцать,⁷ тре-

лось слышать от арабов огласовку *Damanah* чаще, чем *Dimnah*. См. также введение Бенфея в издание сирийского текста: *Kalilag und Damnah*, p. LXXXIV.

³ О Барзӯе и его поездке в Индию за книгой повествуют две главы арабской версии: «Глава об отиравке царем Хосроем Анӯширвāном врача Барзӯи в страну индийскую на поиски книги „Калйла и Димна“» и «Глава о враче Барзӯе», — см.: «*كلیلة و دمنه*» كتاب كالیла و دیمنا. Перевод с арабского И. Ю. Крачковского и И. П. Кузьмина, стр. 37—62. Подробно излагает легенду о поездке Барзӯи в Индию арабский филолог XI в. (961—1038) ас-Са'алиби в своей книге о царях Персии, — см.: *Tha'alibi. Histoire des rois des perses. Texte arabe publié et traduit par H. Zotenberg. Paris, 1900, pp. 629—633.* Очевидно, отсюда эта легенда попала и в знаменитую поэму Фирдоуси «Шахнам». И. Ю. Крачковский пишет, что едва ли можно ожидать от этой легенды «буквального соответствия действительности: несомненно, во всяком случае, что она правильно отражает ход литературного движения и дату версии, которую мы можем приурочить приблизительно к 550 г.»: И. Ю. Крачковский, *Избранные сочинения*, т. II, М.—Л., 1956, стр. 434.

⁴ *كتاب «كلیلة و دمنه»*, ص. 34. См. также: Калйла и Димна. Перевод с арабского, стр. 34.

⁵ См. об этом: I. G. N. Keith-Falconer. *Kalilah and Dimnah or the fables of Bidpai, being an account of their literary history, with an English translation of the later Syriac Version of the same, and notes.* Cambridge, 1885, p. LV.

⁶ См.: И. Ю. Крачковский, *Избранные сочинения*, т. II, стр. 434; C. V. G. C. E. l. m. a. n. p. *Kalila wa Dimna. Enzyklopaedie des Islams, Bd. II, s. 744.*

⁷ Арабский ученый Джирдж Зейдāн (1861—1914) в «Истории арабской литературы» пишет, например: «*وقد كتبت أولاً باللغة الهندية السنسكريتية في ١٢ بابا*» («Калйла и Димна», — А. II.) была написана впервые на языке индийском санскритском в двенадцати главах». Далее Зейдāн отмечает, что с течением времени книга изменилась, подверглась исправлениям, была дополнена и выросла до 21 главы.

ть — тринадцать или четырнадцать.⁸ Количество . . в в последующих версиях неодинаково: так, в арабском переводе Ибн ал-Муқаффа' их двадцать,⁹ в древнесирийской версии Бұда — десять, в новосирийской версии¹⁰ — пятнадцать и т. д. Однако индийские главы почти всегда можно узнать и отделить от позднейших дополнений, персидских и арабских.¹¹ Как уже отмечалось, главы неоднородны и не связаны между собой общей

из которых одни индийские, другие персидские, третьи арабские. К индийским главам, которые, по его мнению, составляли древний индийский сборник, он относит следующие: «О льве и быке», «О голубе-вяхире», «О совах и воронах», «Об обезьяне и черепахе», «Об отшельнике и ласке», «О мыши и кошке», «О царе и птице Фанза», «О льве и шакале-постнике», «О страннике и золотых дел мастера», «О сыне царя и его товарищах», «Об Йлāде, Шāдираме и Йрāхт», «О Мīхрāйд». — см.: زيدان جرجى. تاريخ اداب اللغة العربية، الجزء الثانى. القاهرة، ١٩٣٠. ص. ١٣١—١٣٤.

⁸ Цифра 14 названа в одном из предисловий к арабской версии «Калилы и Димны» — в предисловии Бахнұда Ибн Сахвāна; вряд ли можно доверять этому сообщению, так как самое предисловие носит легендарный характер. Т. Бенфей утверждает, что индийских глав было 13, а 14-я — это предисловие с биографией переводчика, которое было составлено позднее, — см.: Kalilag und Damnag, S. X.

⁹ В число этих двадцати входят четыре введения: предисловие Бахнұда ибн Сахвāна, известного под именем Али ибн аш-Шāх ал-Фāрисй, глава об отправке царем Хосровом Анұшйрвāном врача Барзўи в страну индийскую на поиски книги «Калила и Димна», глава о враче Барзўе, глава с введением в книгу Ибн ал-Муқаффа'. Первые три из них, вероятно, персидского происхождения, четвертое принадлежит перу самого Ибн ал-Муқаффа'.

¹⁰ Новосирийская версия, названная так в отличие от древнесирийской версии Бұда, возникла в XI в. и представляет сирийский перевод с арабского, сделанный неизвестным христианским священником. Опубликована В. Райтом в 1884 г., — см.: The book of Kalilah and Dimnah, translated from arabic into syriac. Oxford, 1884. Переведена на английский язык: I. G. N. Keith-Falsoner. Kalilah and Dimnah or the fables of Bidpai. . .

¹¹ Можно насчитать тринадцать определенно индийских глав, из которых десять и теперь существуют в индийской литературе в составе различных памятников. Так, пять глав древнего санскритского оригинала сохранились в рамках его ближайшей обработки — «Панчатантры», а именно: «О льве и быке», «О голубе, мыши, вороне и газели», «О совах и воронах», «Об обезьяне и черепахе», «О благочестивце и ласке»; две главы — «О страннике, золотильщике, барсе, обезьяне и змее», «О царевиче и сыновьях знатного человека, купца и земледельца» — включены дополнительно к пяти основным в одну из позднейших редакций «Панчатантры», и три главы — «О кошке и мыши», «О царе и птице», «О льве и шакале-постнике» входят в большой индийский эпический свод «Махабхарату». Глава о Билāре (в арабск. версии об Йлāде, Шāдираме и Йрāхт), одиннадцатая, тоже является индийской, хотя до сих пор не установлена ее связь с каким-либо из индийских источников. Эта глава была найдена А. Шифнером в одном из двух разделов буддийской тибетской Трипитаки — в Канджуре — и переведена на немецкий язык. A. Schiefner. Mahākā-tjājana und König Tshanda-Pradjota. Ein Cyklus buddhistischer Erzählungen. Mémoires de l'Académie impériale des sciences de St.-Petersbourg, VIIe sér., t. XXII, № 7, 1875. Главы «О львице, всаднике и шакале» и «О Мīхрāйд» (в арабской версии «О мышьяном царе и его везирах») хотя и не найдены на индийской почве, но тоже являются индийскими, о чем убедительно свидетельствует их содержание и композиция.

сюжетной линией.¹² Каждая посвящена какой-нибудь поучительной идее: о том, что нельзя следовать советам клеветников, о том, какой вред влекут за собой поспешные выводы, о пагубных последствиях глупости и т. д.

Начало всех глав сделано по одной формуле. Царь Дабшарим говорит философу Бидүгу о том, что выслушал предыдущую притчу и хочет услышать новую, сообщая при этом, что именно его интересует.¹³

«Я выслушал притчу, рассказывающую о том, кто нашел счастье, но не сумел его удержать, и счастье тотчас покинуло его. Теперь расскажи о человеке, поступающем необдуманно. . .».¹⁴

Иногда царь просто задает какой-нибудь вопрос, например: «Как приобрести друга и какая польза от дружбы?»¹⁵ — и философ отвечает. В том и в другом случае приводится притча, которая служит обрамляющим рассказом каждой данной главы, а вопрос царя и ответ философа являются как бы своеобразным эпитафием к этому рассказу.¹⁶ В обрам-

¹² Исключение составляет глава «О расследовании дела Димны или о том, кто хотел пользы себе, причиняя вред другому, и чем кончилось его дело», которая является арабским дополнением и служит продолжением первой главы; в ней действуют те же самые герои и говорится о том, как был разоблачен и наказан за свои козни вероломный обманщик и клеветник Димна.

¹³ Дабшарим и Бидүг — сирийское ܕܒܫܠܝܡ и ܒܝܕܘܓ . Арабская форма этих имен دبشليم и بيدبا . Поскольку в этих формах санскритские имена отражены через посредство пехлеви, понятно, почему в одном случае мы имеем «р» — Дабшарим, а в другом «л» — Дабшалйм. См. об этом прим. 2 на стр. 139. Соответствие сирийской формы ܒܝܕܘܓ Бидүг арабской بيدبا Байдебā тоже очевидно. Арабские варианты написания этого имени — بيدباة или بنديباة . Конечное ة (э) соответствует здесь сирийскому ܐ . Сравни арабское كليلة и сирийское ܟܠܝܠܐ , арабское دمنة и сирийское ܕܡܢܐ и т. д. Сирийское ܒܝܕܘܓ (Бидүг) может быть прочитано как Бидваг, что и совпадает с арабским Бидбāх (بيدباہ). См. об этом: Kalilag und Damnag, S. XLIII, прим. 3. Интересно, что в одной из глав древнесирийской версии (в главе «О кошке и мыши») царь и философ названы ܕܒܫܠܝܡ Зедаштар и ܒܝܕܘܓ Бйшам. Эти формы восходят к санскритским Юджштира и Бхишма, которые стоят в начале каждой из 3 глав «Махабхараты», идентичных главам нашего сборника. Сирийский переводчик (или более поздний переписчик) заменил эти имена в двух главах из трех на более обычные ܕܒܫܠܝܡ и ܒܝܕܘܓ , оставив ܕܒܫܠܝܡ и ܒܝܕܘܓ в главе «О кошке и мыши», очевидно, случайно. См. об этом: I. G. N. Keith-Falconer. Kalilah and Dimnah, or the fables of Bidpai, p. LV.

В арабской версии во всех трех упомянутых главах царь и философ не названы вовсе, как и в ряде других глав.

¹⁴ Kalilag und Damnag, S. 54. Здесь и далее, там где приводится текст, даем наш перевод из древнесирийской версии «Калилы и Димны» с указанием страниц по изданию Г. Биккеля, кроме тех глав, которые в древнесирийской версии отсутствуют. Последние цитируем по арабской версии в издании Шейхо (Бейрут, 1905).

¹⁵ Kalilag und Damnag, S. 49.

¹⁶ Поскольку царь и философ появляются в начале каждой главы, знаменуя конец одного большого повествования и начало другого, то их короткий диалог можно считать самой общей рамой, включающей все содержание книги.

ляющий рассказ вставлено несколько притч,¹⁷ которые или нанизаны на общую нить повествования одна рядом с другой, подобно ожерелью, так что конец одной служит началом другой, или вставлены одна в другую.¹⁸ Притчи связаны между собой повторяющимся в каждом таком случае вопросом: «А что это за история?» — в древнесирийской версии, или: «А как это было?» — в арабской. Количество вставных притч в разных главах неодинаково. Так, в главе «О льве и быке» в обрамляющий рассказ о быке, случайно попавшем во владения льва и погибшем от интриг его приближенных, включено более десятка притч (в древнесирийской версии четырнадцать, в арабской пятнадцать). В главе «О голубе» рамкой служит история о дружбе мыши, ворона, черепахи и газели, а вставные притчи рассказывают о жадном волке, который хотел сделать большие запасы, но погиб от удара лопнувшей тетивы, и о женщине, менявшей очищенный сезам на неочищенный. В главе «О совах и воронах» обрамляющим является рассказ о войне сов и воронов, а в основное повествование включены притчи о слоне и зайце, о благочестивце и трех мошенниках, о плотнике и его неверной жене, о змее и лягушках и т. д. В главе «О благочестивце и ласке» в основную притчу включена другая — о благочестивце, который разбил кувшин с медом и маслом.

Живые, остроумные, коротенькие рассказы эти пересыпаны нравоучительными сентенциями, которые и являются главной целью книги, ее основой основ. Поучения иллюстрируются также многочисленными пословицами и разного рода мудрыми изречениями, причем по каждому поводу приводится не одно, а несколько таких изречений, так что за ними иногда теряется при чтении основная нить рассказа.¹⁹ Речь героев

¹⁷ Притча — сирийское употребляется в данной статье как условное обозначение для вставных повествовательных отрывков и обрамляющих историй. Как будет видно из дальнейшего изложения, большинство этих отрывков и по форме, и по содержанию далеко не соответствуют понятию притчи, и этот традиционный термин использован здесь лишь для удобства изложения. Условными являются также и определения «Калилы и Димны» как сборника басен или сборника сказок.

¹⁸ И. Ю. Крачковский называет этот прием вращением, «когда сцены действия движутся, как вынимаемые один из другого ящички». См.: И. Ю. Крачковский, Избранные сочинения, т. II, стр. 441.

¹⁹ Целый ряд изречений и пословиц, содержащихся в сборнике, повторяется в других известных индийских источниках, «начиная с ведических сочинений и вплоть до «Махабхараты», законов Ману, буддийских и джайнских текстов». На это указывает В. В. Иванов. См.: Панчатантра. Перевод с санскрита и примечания А. Я. Сыркина. М., 1958, стр. 315. Мы можем привести здесь несколько интересных аналогий в текстах нашего сборника и другого широко известного индийского памятника — «Шукасапгати» (См.: Шукасапгати. Семьдесят рассказов погугая. Перевод с санскрита М. А. Ширяева. Предисловие и примечания В. И. Кальянова, М., 1960). Так в древнесирийской версии «Калилы и Димны», в главе «О совах и воронах», по поводу неосмотрительности сов, погибших от руки воронов, говорится следующее: «Умный человек должен остерегаться долгов, болезней и врагов, даже если их останется совсем немного» (Kalilag und Damrag, S. 79). А в «Шукасапгати» в шестом рассказе погугая приводится то же самое изречение лишь с небольшими изменениями: «Какой сон может быть у тех, кого

образна и выразительна, с меткими сравнениями, противопоставлениями и параллелями, часто неожиданными, но всегда яркими и остроумными. Такова общая схема построения сборника.

«Каліла и Димна» — это сказки из жизни птиц и животных или, как говорят о ней древние, «книга на языке зверей и птиц». Но для героев этой книги в отличие от западных басен и сказок характерно то, что они действуют не как животные, а как люди в образах животных.²⁰ Они не приобрели еще характерных для каждого из них черт, они, как и люди, очень разные, с разными характерами, по-разному поступающие в каждом отдельном случае. Если мы привыкли, что лев — это царь зверей, обладающий огромной силой, незаурядным умом и непререкаемым авторитетом у прочих зверей, а заяц — жалкий трусишка, то здесь храбрый и хитрый заяц дурачит трусливого льва и убивает его в конце концов.²¹ Коварный шакал обманывает льва и отнимает у него пищу,²² а другой шакал устраивает козни и заставляет льва убить преданного ему быка.²³ Если в этих двух сказках шакал выведен коварным и жестоким животным, навлекающим гибель на простодушного быка, то в третьей богобоязненный и целомудренный шакал сам подвергается наветам со стороны приближенных льва и едва не гибнет от его гнева.²⁴ Обезьяна то глупа и неосмотрительна,²⁵ то находчива и остроумна.²⁶ Черепаха в одной сказке предает своего друга — обезьяну и готова хитростью заманить ее в ловушку,²⁷ в другой же сказке она выступает как искренний друг, способный пожертвовать жизнью во имя дружбы, и мышь говорит о ней: «Где еще найти такого друга, как черепаха?».²⁸

И при всем этом животные, как люди, мыслят, рассуждают, анализируют, делают выводы. Они собираются вместе для бесед, рассказывают терзают долги, болезни, непокорные жены и у кого враги?» (стр. 28). И еще несколько таких параллелей. В «Каліле и Димне»: «Добрые тянутся к добрым, подобно тому как слова может вытащить из топи только слон» (стр. 45); в «Шукасапати»: «Добрые добрых всегда из беды вызволяют, как слоны спасают других слонов, увязших в болоте» (стр. 85); в «Каліле и Димне»: «Мудрецы говорят, что женщины благосклонны не к каждому владыке и виноградная лоза вьется не у каждого дерева, а только у тех, которые к ним ближе» (стр. 4); в «Шукасапати»: «Цари, женщины и лианы обнимают чаще то, что находится рядом с ними» (стр. 26); в «Каліле и Димне»: «. . . необходимо пожертвовать одним ради семьи, семьей ради деревни, деревней ради города, городом ради страны, страной ради части света, а частью света ради души человека» (стр. 22); в «Шукасапати»: «Одного человека покидай ради семьи, семью покидай ради деревни, деревню покидай ради страны, а страну покидай ради себя самого» (стр. 26).

²⁰ См. об этом: I. G. N. Keith - Falconer. Kalilan and Dimnah, or the fables of Bidpai, p. XIV.

²¹ Kalilag und Damnah, SS. 13—14.

²² Там же, стр. 52—53.

²³ Там же, стр. 1—33.

²⁴ Там же, стр. 86—94.

²⁵ Там же, стр. 2.

²⁶ Там же, стр. 49—52.

²⁷ В этой же притче.

²⁸ Kalilag und Damnah, S. 47.

друг другу любимые истории, спорят. Они и о себе говорят, как о людях, не как о животных. Так, черепаха, обращаясь к мышши, говорит ей: «А ты на усердие свое надейся и не огорчайся из-за этого, потому что усердного человека любят и уважают, где бы он ни находился, даже если богатства и нет у него». ²⁹ А вот слова другой черепахи: «Эту болезнь мы, женщины, хорошо знаем. Против нее нет никакого лекарства или другого средства, кроме сердца обезьяны». ³⁰ Более того, они даже противопоставляют себя животным. Так, в одной из глав в ответ на слова черепахи о том, что дружба укрепляется тремя вещами: тем, что друзья ходят в дом друг к другу, видят детей и жен своих друзей и вместе едят и пьют, обезьяна говорит: «Друзьям необходима только любовь. Ведь и животные иногда (вместе) поедают пищу. . .». ³¹ Калыла говорит Димне: «Ты никогда не был вместе с владыкой и службе не обучен. Как же ты надеешься, что лев возьмет тебя и уверует в тебя?». И тот отвечает: «Для опытного человека нет трудного дела. Заблудившемуся животному, даже если это лев, земля чужая, а для мудрого, наделенного речью, нет никого, кто был бы ему чужим». ³²

Беседы животных внутри общей рамки строятся двумя способами.

По первому способу один из собеседников высказывает какое-нибудь положение и старается подкрепить его пословицами, поговорками, афоризмами, разными по форме и содержанию, но проникнутыми какой-то общей идеей, подтверждающей ранее сказанное. При этом пословицы не кажутся искусственными, придуманными на этот именно случай. ³³ Второй собеседник возражает и тоже приводит разные изречения, как бы соперничая с первым в мудрости.

Ворон оказался свидетелем того, как мышь спасла голубя и его товарищей от верной смерти, и решил подружиться с мышью, чтоб зару-

²⁹ אַ תַּיִם יִשְׁמַח בְּחַיֵּי אֲדָמָה וְיִשְׁמַח בְּחַיֵּי אֲדָמָה וְיִשְׁמַח בְּחַיֵּי אֲדָמָה

См.: Kalilag und Damrag, S. 45.

³⁰ אֲדָמָה יִשְׁמַח בְּחַיֵּי אֲדָמָה וְיִשְׁמַח בְּחַיֵּי אֲדָמָה וְיִשְׁמַח בְּחַיֵּי אֲדָמָה

Там же, стр. 50.

³¹ אֲדָמָה יִשְׁמַח בְּחַיֵּי אֲדָמָה וְיִשְׁמַח בְּחַיֵּי אֲדָמָה וְיִשְׁמַח בְּחַיֵּי אֲדָמָה

Там же, стр. 51.

³² אֲדָמָה יִשְׁמַח בְּחַיֵּי אֲדָמָה וְיִשְׁמַח בְּחַיֵּי אֲדָמָה וְיִשְׁמַח בְּחַיֵּי אֲדָמָה

Там же, стр. 3—4.

³³ Приведем здесь несколько таких пословиц: 1) «И холодное дерево, если его сильно потерять, нагревается и высекает огонь»; 2) «Вода мягче камня, но когда она долго капает на него, просверливает его»; 3) «Плоды горьких тыкв не могут быть сладкими, сколько бы масла и меда ни втирали в их корни»; 4) «Рана, нанесенная мечом, зарастает, а боль, причиненная словами, не проходит»; 5) «От большого зуба и излишней пищи нет покоя, пока от них не избавишься».

читься ее поддержкой на случай беды. Но осторожная мышь не поддается на уговоры. «Есть два вида вражды, — говорит она, — первый — это когда один действует против другого случайно, а второй — когда один противопоставлен другому от природы. Так, вражда льва и слона — вражда первого рода, а примером вражды второго рода является вражда между мною и тобой. Тот, кто заводит дружбу с врагом, — неумен. Если воду даже сильно греть, а потом вылить на огонь, то огонь погаснет. Тот, кто заключает перемирие с врагом, навлекает на себя беду и пребывает в страхе, как человек, за пазухой которого змея.

«Как старец не доверяет молодой жене, так и умный человек не должен доверять своему врагу».³⁴

Ворон возражает: «Дружба верных людей крепка. А если она разрушится, ее легко восстановить, подобно золотой трубочке, которую трудно сломать, но легко склеить. Дружба с дурными людьми разбивается быстро, подобно глиняной посуде».³⁵

Второй способ построения диалога состоит в том, что один из собеседников, поучая другого или предостерегая его от необдуманного поступка, иллюстрирует свою мысль не пословицами, а подходящей к данному вопросу притчей. Притчи различны по величине и форме. Это отдельные эпизоды или короткие незатейливые истории из жизни животных с моралью в начале или в конце изложения. Такие притчи ближе всего к жанру басни. Примером может послужить притча о лисе и барабане, в которой говорится, как лиса, увидев брошенный кем-то барабан, подумала, что в нем много жира и мяса, а когда разорвала его, — увидела, что он пуст и сказала: «Видимо, у самых ничтожных вещей самое большое тело и самый сильный голос».³⁶ Или притча об алчном волке, который нашел сразу много пищи и решил припрятать ее и есть понемногу. Вместе с пищей ему попался также охотничий лук. Волк решил прежде всего съесть тетиву от лука. Тетива лопнула и так сильно ударила его по губам, что волк тотчас и умер.³⁷ Наконец, притча про обезьян и глущую птицу,³⁸ притча про трех рыб,³⁹ притча про плотника и обезьяну⁴⁰ и др. Для всех этих притч характерно присущее басне откровенное нравоучение, во-первых, и крайне сжатое развертывание сюжета — во-вторых.

Весьма близки к нравоучительной басне сказки из жизни животных, отличающиеся, однако, более плавным, постепенным развитием действия. Эта категория представлена в сборнике очень широко. Здесь и сказка

³⁴ Kalilag und Damnag, S. 37.

³⁵ Там же.

³⁶ В древнесирийской версии эта притча отсутствует. Приводим текст арабской версии. См.: كتاب «كيلة ودمنة», ص. ٦٣.

³⁷ Kalilag und Damnag, SS. 40—41.

³⁸ Там же, стр. 28.

³⁹ Там же, стр. 15.

⁴⁰ Там же, стр. 2.

о глупом льве и храбром зайце, одурачившем царя зверей и избавившем себя и других животных от гибели, и сказка о коварной змее и тщеславном царе лягушек, затем сказки о цапле и раке, о змее и ласке, о льве, верблюде, вороне и шакале, оригинальная сказка о черепахе и обезьяне и, наконец, история двух уток и черепахи, хорошо знакомая всем по рассказу о лягушке-путешественнице.⁴¹ Имеют место также и бытовые сказки с острой социальной направленностью, с противопоставлением богатства и бедности, с положительным героем, который в конце концов выходит победителем из конфликта, как в сказке о хитром и простодушном, где хитрый хотел завладеть деньгами простодушного, но заплатился жизнью своего отца, а все динары достались простодушному.⁴²

Элементы волшебной сказки нашли отражение в истории об отшельнике и мышонке, которого отшельник превратил в девочку. Он воспитал ее как свою родную дочь. И когда она выросла, отшельник пригласил в мужья сначала солнце, потому что оно всех сильнее, потом облако, оказавшееся сильнее солнца, потом ветер, гору⁴³ и т. д. В композиции этой сказки использован прием ступенчатого развития сюжета (в выборе жениха), типичный для канонической формы народной сказки.⁴⁴

Сказки авантюрного и исторического характера, судя по древнесирийской версии, в «Калиле и Димне» не представлены, но мифологические мотивы отражены в некоторых притчах или отдельных намеках.

В главе «О льве и быке» речь идет о маленькой птичке по имени титус,⁴⁵ которая не побоялась вступить в борьбу с духом моря. Титус

⁴¹ «Был один пруд, в котором жили в любви и дружбе две утки и черепаха. Настало время, когда вода в источнике иссякла. Тогда утки посоветовались друг с другом и решили: вода иссякла, нужно уходить отсюда, пока не поздно. „Мы не можем здесь больше оставаться, вода иссякла“, — сказали они черепахе. „Но вы можете жить и на суше, — ответила та, — а каково мне: ведь мне не обойтись без воды. Придумайте что-нибудь и унесите меня отсюда“. „Мы понесем тебя, — решили утки, — если ты утерпишь и не станешь отвечать людям, когда они, увидев, как мы несем тебя по воздуху, станут кричать тебе“. Черепаха согласилась и спросила: „Но как я полечу?“. „Ты возьмешь ртом прутик у его середины, а мы возьмемся за концы и понесем тебя“.

«Черепаха согласилась. Так они и сделали.

«Когда люди увидели, что между двумя утками по воздуху движется черепаха, они громко закричали: „Вот так чудо!“ Увидев толпу людей, которые смотрели на нее, черепаха не выдержала и крикнула им: „Уходите! И пусть ваши глаза будут вырваны!“.

«Но как только она открыла рот, тотчас же стала падать на землю». См.: Kalilag und Damnag, S. 24.

⁴² Там же, стр. 28—30.

⁴³ Там же, стр. 74—76.

⁴⁴ См. об этом: Панчатантра. Избранные рассказы. Перевод с древнеиндийского, предисловие и примечания Р. О. Шор. М., 1930, стр. 22, прим. 1.

⁴⁵ Титус (сир. *titibha*) санскритское *tittibha* — маленькая птичка, известная в литературе своей кичливостью. В индийских баснях и сказках встречается образ титибхи, спящей лапками вверх, чтобы поддержать небо, в случае, если оно обвалится. Есть в испанской литературе басня, связь которой с образом маленькой титибхи

вместе со своей подругой жил на берегу моря, и однажды вода вышла из берегов и унесла их птенцов. Тогда титус собрал всех птиц и попросил у них помощи. Все решили: главой птиц является Сймург⁴⁶ — нужно позвать его и сказать: «Ты наш царь, а дух, которому ты служишь в качестве повозки, сильнее духа моря. Попроси его помочь нам».⁴⁷

Здесь в древнесирийской версии найдено отражение индийской легенда о мифической птице — великане Гаруде,⁴⁸ враждующей со змеями и пожирающей их. Гаруда — царь птиц — по индийским легендам служит в качестве повозки для Вишну, одного из трех величайших божеств Индии, хранителя всего живого.⁴⁹

Наряду с притчей-басней и притчей-сказкой имеет место притча-новелла. Это рассказ, где действуют не животные, как это чаще бывает в баснях, а люди, и жизнь их изображена с реалистических позиций. Сцены из быта простых людей, ремесленников и купцов, проделки мелких воришек и мошенников, истории о неверных женах и обманутых мужьях — вот темы этих рассказов. Жанровые зарисовки сделаны несколькими штрихами, но настолько живо, что представляешь их зрительно. Вот женщина разложила на солнце зерна сезама, чтобы просушить их, на минутку отвернулась — откуда ни возьмись собака. Зерна испорчены, жен-

несомненна. Эту басню приписывают Odo von Ceritona (между 1219 и 1221 гг.). Басня рассказывает о маленькой птичке, похожей на крапивницу, которую в Испании называют птицей «Святой Мартина». У нее тошенькие, длинные лапки, как камышинки. Однажды в праздник Св. Мартина случилось так, что в солнечный зной устроилась эта птичка около одного дерева лицом к солнцу и, подняв лапки кверху, сказала: «Если небо вдруг станет падать, я удержу его на своих ногах». Тут рядом с ней ушал зеленый лист, она испуганно вспорхнула и закричала: «О, Святой Мартин! Что же ты не спасашь свою птичку?». См.: M. W i n t e r n i t z. Geschichte der indischen Litteratur, Bd. III. Leipzig, 1922, SS. 306—307.

⁴⁶ Сймург — **سيمورگ** (персидское *си* — 30, *мург* — птица; *симург* — 30 птиц). Таинственная сказочная птица иранского фольклора, обитающая, по преданию, на горе Эльбурз. В арабской версии в роли царя птиц выступает мифическая птица 'Анкā **العنقاء**, обитающая на горе Каф у края земли. По преданию, 'Анкā' очень редко покидает свое убежище и видеть ее удается лишь немногим.

⁴⁷ Kalilag und Damnag, S. 25.

⁴⁸ Образ птицы-великана Гаруды встречается в индийской литературе очень часто. См. напр.: Панчатантра. Перевод с санскрита и примечания А. Я. Сыркина. М., 1958, стр. 61, 65—67, 69, 106—107, 313; Махабхарата. Адипарва. Книга I. Перевод с санскрита и комментарии В. И. Кальянова, М.—Л., 1950, стр. 29, 46, 99—104, 294, 529; Sammlung orientalischen Märchen, Erzählungen und Fabeln. Herausgegeben von G. Brockhaus. Leipzig, 1843, SS. 126—127 и т. д.

⁴⁹ В «Махабхарате» об этом говорится: «Получив те оба дара, Гаруда сказал Вишну: «Я тоже дам тебе дар, выбирай же и ты!». И великий Кришна избрал ту могучую птицу в качестве колесницы. . .», — см.: Махабхарата. Адипарва, стр. 102. Интересно, что в арабской версии этот образ заменен другим. Птицы, обращаясь к орлице 'Анкā', своему царю, говорят: **انك سيدتنا و الملك الذى يفتعدك اقوى** «Ты наша госпожа и царь, который посадил тебя (над нами), сильнее стража моря». См.: ٩٠. ص. «كليلة و دمنة».

щина сердится.⁵⁰ Или: лежит человек и мечтает. И вы видите этого человека, целиком отдавшегося своим приятным мыслям, его взгляд, мечтательно устремленный на кувшин с медом, источник его будущего богатства, видите, как меняется выражение его лица, когда приятные мысли сменяются тревожными.⁵¹

Для новеллы характерно трехчленное строение,⁵² т. е. группировка в центре рассказа трех действующих лиц: например, муж, жена и любовник в рассказе об обманутом плотнике,⁵³ старуха, девушка и ее друг в рассказе о зороастрийце и воре⁵⁴ и т. д., — выполняющих одинаково главные роли, так что без участия одного из трех персонажей композиция распадается. Сюжетная схема в большинстве случаев проста и незатейлива, но иногда усложняется неожиданной концовкой. Такой рассказ отчетливо делится на две части, из которых первая имеет вполне законченное значение, вторая же содержит важный поворотный момент, дающий событиям новый неожиданный исход. Так, в приводившемся рассказе об обманутом муже муж возвращается домой, чтобы убедиться в неверности жены, и убеждается в этом, спрятавшись под кроватью. Кажалось бы, женщина должна понести заслуженное наказание, но, заметив спрятавшегося мужа, она тотчас изобретает нравственное оправдание своему поступку и встречает еще большую любовь с его стороны.⁵⁵

Такое усложненное построение характерно не только для новелл, но и для многих сказок, входящих в сборник. В сказке «Об обезьяне и черепахе» черепаха обманным путем заманила обезьяну в ловушку. Посадив ее к себе на спину, она плывет с ней к себе домой, где бедную обезьяну ждет гибель. Кажалось бы и все. Но сказка этим не кончается. Черепаха сообщает обезьяне о цели их путешествия:

«„Моя жена больна, она говорит, что ее спасет только одно лекарство — сердце обезьяны“.

«„Почему ты не предупредила меня, чтобы я захватила с собой сердце? — спросила обезьяна“.

⁵⁰ Kalilag und Damnag, S. 41.

⁵¹ Там же, стр. 54—55.

⁵² См.: Панчатантра. Избранные рассказы. Перев. с древнеиндийского, стр. 22—23.

⁵³ Kalilag und Damnag, SS. 72—73.

⁵⁴ Там же, стр. 8—9.

⁵⁵ «„Спроси меня, только погромче, кого я люблю — тебя или мужа“, — шепнула она своему дружку. — Он спросил. Тогда она сказала: „О, дорогой, не следовало тебе об этом спрашивать. Должна признаться, что в чужом человеке нас, женщин, не интересует ни его внешность, ни успехи. И если мы иногда и ложимся с ним, то только потому, что не можем преодолеть свою страсть. Что же касается мужа, то в нем мы находим еще и отца, и воспитателя. Ведь мы знаем, что все свои добрые дела человек совершает ради жены и детей. И только глупая женщина может отказать своему мужу в любви и уважении. Как видишь, я люблю не тебя, а мужа“.

«Услыхав, как она сказала, что любит его, плотник растрогался и подумал: „Теперь я убедился, что жена любит меня больше жизни“.

«На рассвете, когда гость ушел, женщина заснула. Тогда плотник вылез из-под кровати, сел рядом с ней и стал отговяивать мух», — см.: Kalilag und Damnag, S. 73.

«„А где твое сердце сейчас?“ — удивилась черепаха.

«„Когда я ушла из дому, я оставила его там“.

«„Но почему ты его там оставила?“

«„У нас, обезьян, такой обычай, что, когда мы уходим из дома, мы не берем с собою сердце; но если тебе нужно, давай вернемся, я и принесу его тебе“.

«Черепаха обрадовалась и быстро-быстро поплыла с обезьяной к берегу. Когда они вылезли на сушу, обезьяна бросилась бежать и влезла на дерево».⁵⁶

Подобным же образом делятся на две части сказки о птице, поссорившейся с морем,⁵⁷ о цапле, рыбах и раке,⁵⁸ об утке, змее и ласке⁵⁹ и др.

Есть в нашем сборнике притчи, которые нельзя отнести ни к одному из названных жанров. Они занимают как бы промежуточное положение. Когда в обычные басенные или сказочные сюжеты вводятся реалистические детали или когда в бытовой новелле появляется сказочный элемент, возникает особый тип повествования, который трудно отнести к тому или иному жанру. Басни утрачивают условный и отвлеченный характер, а реалистические новеллы приобретают черты назидательности, присущие басням.⁶⁰ Хорошим примером такого рассказа может служить притча о голубе, мышши, вороне и газели,⁶¹ повествующая о жизни этих четырех животных, об их приключениях. Одно из приключений мышши связано с ее пребыванием в доме некоего зороастрийца. Этот человек — образ вполне реалистический. Он живет один в своем бедном жилище, каждый день уходит в город, чтобы позаботиться о пропитании, принимает у себя гостя, приехавшего из дальних странствий, и они беседуют о разных чудесах и диковинках, которые тому довелось увидеть, и, наконец, охотятся за мышью, которая каждый день досаждала хозяину, поедая его скромные запасы. Но вот мышь изгнана из дома, а в ее норе оказалась тысяча динаров, неизвестно откуда появившихся. И гость говорит хозяину: «Эта хитрая мышь была так сильна и опасна и могла так высоко прыгать потому, что, глядя на эти динары, черпала в них свои силы».⁶² И добавляет, что теперь, когда динары будут взяты, она не сможет больше так высоко прыгнуть. С этого момента начинается сказка. Мышь, действительно, не может больше прыгать к высоко подвешенной корзинке с седой. Она покидает дом зороастрийца, уходит в поле и живет там до тех пор, пока не появляется ее друг — голубь вместе с вороном, который тоже становится их другом; затем идет сказочное повествование о дальнейших приключениях друзей.

⁵⁶ Там же, стр. 51.

⁵⁷ См. об этом в статье В. В. Иванова, сопровождающей перевод «Панчатантры» А. Я. Сыркина: Панчатантра. Перевод с санскрита, стр. 313.

⁵⁸ Kalilag und Damnag, SS. 12—13.

⁵⁹ Там же, стр. 30.

⁶⁰ См.: Панчатантра. Перевод с санскрита, стр. 313.

⁶¹ Kalilag und Damnag, SS. 34—48.

⁶² Там же, стр. 42.

Еще более интересна в этом плане притча про то, как одному отшельнику подарили корову, а вор, узнав об этом, решил ее украсть. По дороге к нему присоединился демон в человеческом образе,⁶³ который надеялся схватить самого отшельника. И далее вор и демон действуют параллельно до самого конца этой притчи, так непринужденно соединившей в себе элементы действительности и сказки.

Есть в сборнике группа притч, определенно тяготеющих к драматическому жанру. Для них характерно почти полное отсутствие описания, будь то описание характеров, места действия или времени. Характеристика героев ограничивается несколькими словами или отсутствует вовсе и выводится на основании их поступков. Описание места действия также скупо и сдержанно, носит характер авторской ремарки. Иногда место только обозначено — лес, поле, берег реки или моря, где обитают животные, иногда оно обрисовано в нескольких словах, необходимых для понимания развития действия. Большую часть повествования занимает монолог и диалог, почти не оставляя места косвенной речи.⁶⁴ Впрочем, это характерно и для всего сборника в целом. Притчи такого типа представляют собой или небольшие сценки с элементами драматического действия — герои все вместе попадают в затруднительное положение, но в конце концов находят из него выход, или это вполне совершенные в смысле сценической формы драматические отрывки, которые четко подразделяются на акты и картины, в соответствии со всеми требованиями театрального искусства.

Примерами таких пьес являются обрамляющие истории в главах «О льве и быке», «О голубе. . .», «О совах и воронах» и др.⁶⁵ Особенно четким построением отличается повествование о совах и воронах. Почти ничего не меняя в тексте, можно изложить его кратко, разделив на че-

⁶³ Буквально: *कचित् ब्रह्मन् काम उचित् तत्र* демон, который принял вид человека. В «Панчатантре» в соответствующем месте действует брахмаракшаса (brahmarākṣasa), одно из ночных чудовищ, в которое будто бы воплощается душа грешного брахмана, вовсе не похожее на человека. Это «существо с редкими острыми зубами, носом, вытянутым, слоно тростник, неровно посаженными глазами, с множеством жил, выступающих на теле, с высохшими щеками и с телом и бородой красновато-коричневого цвета, словно огонь хорошей жертвы», — см.: Панчатантра. Перевод с санскрита, стр. 225 и 358.

⁶⁴ Р. О. Шор объясняет это явление законами синтаксической системы классического санскрита, которая «почти не допускает косвенной речи». См.: Панчатантра. Избранные рассказы. Перевод с древнеиндийского, стр. 20. Нам кажется, что здесь сыграло свою роль также и сознательное стремление автора (или авторов) дать своему произведению наиболее доходчивую форму; монолог, а также и обращения ко второму лицу адресованы как бы непосредственно самому читателю.

⁶⁵ Современный арабский литературовед Ханна ал-Фахури отмечает, что такие длинные притчи, как глава «О совах и воронах», «являются почти всегда чем-то средним между драматическим произведением и эпической поэмой», сравнивая одни из них с поэмами Гомера, другие — с трагедиями Шекспира. См. об этом работу Х. ал-Фахури: *تاريخ الادب العربي*. حريصا، ١٩٥٣. в переводе на русский язык В. В. Атамали под редакцией А. А. Ковалева и Г. М. Габучана: История арабской литературы, ч. I. М., 1959, стр. 355.

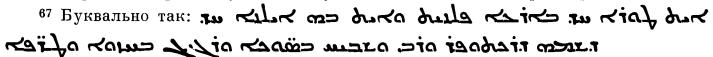
тыре действия и несколько картин. Действующие лица: глава воронов и пять его советников, глава сов и его советники — сова, выступавшая против плененного ворона, и сова, выступавшая в его защиту. Первое действие начинается пояснительными словами автора:⁶⁶ «Есть одна гора в некоей земле, и есть на этой горе одно дерево под названием Дарктофар,⁶⁷ большое, с пышными ветвями, красивое на вид и густолиственное. На нем свил себе гнездо ворон, в подчинении которого была тысяча воронов. На этой же горе обитала и сова, а она была главой тысячи сов. Совы с воронами находились в постоянной вражде».⁶⁸

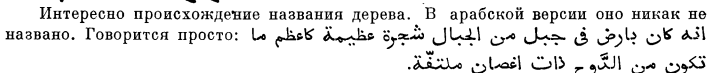
Далее говорится, что действие происходит наутро после несчастья, когда совы вышли из своих убежищ, напали на воронов и многих из них убили и ранили. Занавес как бы раздвигается в тот момент, когда глава воронов появляется на месте действия, видит погибших собратьев и ущерб, нанесенный совами, и обращается к оставшимся в живых.

Глава воронов. Совы причинили нам вред, и они почувствовали к этому вкус и придут еще раз ночью же, чтобы нанести нам (новый) ущерб. Поэтому нужно сесть и посоветоваться, какой тут выход и что нам делать. (Обращается к младшему из пяти советников).⁶⁹ Как мы должны поступить с тем, что постигло нас со стороны сов?

Младший ворон. Я знаю только одну возможность: нам нужно оставить это место и уйти отсюда.

⁶⁶ В роли автора выступает, как уже отмечалось, легендарный философ Бид'уг.

⁶⁷ Буквально так:

Интересно происхождение названия дерева. В арабской версии оно никак не названо. Говорится просто:

«В какой-то земле на одной из гор было огромное, из породы крупных деревьев, ветвистое дерево». См.: ۱۴۳. «ع. كتاب «كيلة و دمنة». Впрочем, Натчбуль переводит это: «дерево, называемое Дауа» (a tree of the kind called Daua), — см.: Kalila and Dimna, or the Fables of Bidpai, translated from the arabic by the Rev. Wyndham Knatchbull. Oxford, 1819, p. 216. У И. Ю. Крачковского переведено: «В некоей стране на одной из гор росло огромное дерево, самое большое из всех крупных деревьев, ветвистое и густолиственное» (Калила и Димна, перевод с арабского, стр. 160). В соответствующем месте «Панчатантры» сказано: «Есть в южной стране город под названием Пригхвипратитхана. Недалеко от него стояло баньяновое дерево, снабженное многочисленными ветвями». — см.: Панчатантра. Перевод с санскрита, стр. 193. Бенфей объясняет происхождение сирийского слова Дарктофар следующим образом: «Баньяновое дерево по санскритски puagrodharâdra. 1-я часть сирийского «darakt», в котором без труда узнается пехлевийское «darakht» (дерево), соответствует 2-й части санскритского puagrodharâdra — râdара, что значит дерево. Связь между вторыми частями этих слов установить не удалось. Бенфей предполагает, что для обозначения дерева в санскритском оригинале было употреблено не puagrodharâdара в отличие от «Панчатантры», а синоним этого слова udumbara, причем при переводе на пехлеви слог dum случайно выпал и получилось дерево upar, т. е. darkthupar, чему и соответствует сирийское см.: Kalilag und Damnag, SS. LXXIII—LXXIV.

⁶⁸ Там же, стр. 61.

⁶⁹ Курсивный текст в круглых скобках принадлежит нам, — А. П.

Глава воронов (*второму*). Что ты скажешь о словах младшего?

Второй ворон. Он неправ, говоря, что мы должны оставить это место и бежать из-за такого незначительного ущерба. Мы останемся здесь до тех пор, пока они не выступят против нас, а когда они повернут назад, мы пойдем за ними и нападём на них, нанесем им ущерб и вернемся восвояси. Если же мы увидим, что они сильнее нас, оставим их и бежим.

Глава воронов (*к третьему*). [А что ты скажешь?].

Третий ворон. Я не согласен с его словами, потому что совы так (просто) не удалятся. Я считаю, что нужно через разведчика узнать, не захотят ли они заключить с нами мир и принять податъ, которую мы им предложим. Тогда мы останемся на своем месте без страха до тех пор, пока они не причинят нам нового вреда.

Глава воронов (*четвертому*). Что ты думаешь относительно заключения мира? (*и т. д.*).

Второе действие. То же самое место. Вечер. Под деревом растерзанный ворон, который решил добиться расположения сов и хитростью выведать все их тайны. Появляются совы. Они замечают раненого ворона, и одна из сов обращается к нему

Сова. Кто ты такой и где все вороны?

Ворон. Я такой-то... А где вороны, я не знаю по причине того, что со мной случилось.

Сова. Что же ты знаешь?

Ворон. Только то, что я видел.

Глава сов. Он был поверенным воронов и советчиком их вожака. Спросите, за какое же преступление его постигло это зло?

Ворон. Это несчастье постигло меня из-за моей глупости. Когда незадолго до этого вы напали на воронов и причинили им большой ущерб, глава воронов стал спрашивать своих советчиков, что делать с вами. Большинство решило начать войну, а я сказал: «Совы сильны, а мы слабы, и, если мы начнем с ними войну, им будет польза, а нам — вред» (*и т. д.*).

Далее в разговор вступают две совы, из которых одна требует убить ворона, потому что он враг и шпион, а вторая советует оставить его, ибо «всякий должен относиться с состраданием к своему врагу, когда тот унижен, достоин сожаления и нуждается в убежище». Глава принимает сторону второй совы.

В третьем действии говорится о том, что ворон, узнав все тайны сов, придумал план их уничтожения и вернулся к своим, чтоб рассказать им об этом. Вороны принимают этот план и уничтожают своих врагов.

В четвертом действии глава воронов беседует с вернувшимся вороном о его жизни среди сов.

Глава воронов. Как же ты мог прожить с совами столько месяцев?

Ворон. Когда мудрого человека постигает несчастье и он узнает, что несчастье это пройдет, принесет пользу, он с радостью принимает это несчастье и ждет своего времени (*и т. д.*).

И далее диалог этот, украшенный вставными притчами, многочисленными сравнениями и противопоставлениями, занимает весь конец главы. Нам кажется, что приведенный отрывок и целый ряд других, содержащихся в сборнике, дают основание видеть здесь зачатки драматического

жанра,⁷⁰ так же как и о новелле справедливо сказать, что «впервые эта форма возникла на Востоке, частью в рассказах „Калилы и Димны“».⁷¹

Итак, на основании изложенного можно заметить, что очень простая, но необычайно емкая форма, нашедшая воплощение в композиции нашего сборника,⁷² включает отрывки, представляющие основные жанры художественной повествовательной литературы от простейшей притчи до сложных драматических построений. Здесь мы найдем и аллегория басни, и реализм новеллы, и героинку мифа. Связь между отдельными отрывками самая поверхностная, так что некоторые из них с давних пор выделились из общей рамки и существуют самостоятельно. Подвергнувшись разным обработкам, они изменились настолько, что иногда трудно установить связь с их первоначальным вариантом.⁷³ С другой стороны, подобная композиция позволяет включать все новые и новые отрывки, и это привело к тому, что иллюстративный материал, служивший первоначально средством для подкрепления нравов, стал основной целью книги, а сама она превратилась из «зеркала государя», какой была вначале, в замечательную коллекцию басен, рассказов и сказок, известную почти всем народам мира.

A. V. Paikova

THE COMPOSITION OF THE TALES COLLECTION «KALILA AND DIMNA» (IN OLD SYRIAN VERSION)

The article deals with the peculiarities of the composition of the tales collection «Kalila and Dimna» (in Old Syrian Version). The main characteristic way of the composition of «Kalila and Dimna» is that of «inclusion» of one fragment (parable, fable, myth, story and play) or of the group of connected one with other fragments in a great subject.

⁷⁰ Собственно зарождение драматического жанра в индийской литературе относится ко времени значительно более раннему. Многие сюжеты «Калилы и Димны», в том числе повествования о льве, быке и шакале, о войне сов и воронов и другие, восходят к древнеиндийскому фольклору, к искусству джатак. Включенные в рамки сборника, эти отрывки сохранили свою первоначальную форму, свидетельствуя о наличии драмы в древнеиндийской литературе уже в самом начале нашей эры. (О древнеиндийской литературе см.: Литература древнего Востока, М., 1962, стр. 213—304).

⁷¹ См.: И. Ю. Крачковский, Избранные сочинения, т. II, стр. 442.

⁷² Прием «врамления», или «обрамляющей новеллы», был типичным и излюбленным в индийской литературе. Можно назвать целый ряд вышедших из Индии или связанных с нею произведений, построенных по этому принципу, и в первую очередь знаменитую «1001 ночь», где юная Шахразада рассказывает царю Шахрияру свои чудесные сказки. (О композиции «1001 ночи» см. работу М. И. Герхардта, посвященную анализу обрамляющего рассказа: M. I. Gerhardt. La technique du récit à cadre dans les 1001 Nuits. Arabica, t. VIII (Mai 1961), II, Leiden, pp. 137—157).

⁷³ См., например, работу М. Мюллера (Über die Wanderung der Marchen. Essays von Max Müller, Bd. III. Leipzig, 1872, SS. 303—333), посвященную истории одного из сюжетов сборника.